

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ КОНСПИРАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОГАРЕВА ИЗ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

ОТВЕТ Ш. М. ЛЕВИНУ

Вопрос о датировке известных конспиративных документов Огарева из «пражской коллекции» имеет большое научное значение. Он важен для исследования русского революционного движения,— правильное определение времени возникновения документов многое уясняет в обстановке революционной ситуации 1859—1861 гг.

Приурочение документов к определенным датам требует тщательной аргументации,— прямой датировки авторского происхождения они не имеют.

Ш. М. Левин первый выступает с научной критикой датировок, предложенных мною при публикации найденных документов. Заслуга его тем существеннее, что он не ограничивается критическими соображениями, направленными против моих выводов, но дает и свое позитивное решение вопроса. Соглашаясь с предложенной мною датировкой последних трех документов из опубликованных пяти, Ш. М. Левин предлагает для первого документа (рукопись «Идеалы») несколько иные даты (1859—1860 гг. вместо 1859 г.), а для второго («Цель русского движения») совсем новое, не совпадающее с предложенным мною, определение времени возникновения рукописи (не 1860 г., как предлагаю я, а 1862 г.).

Для внесения в вопрос ясности отвлечемся на минуту от критических замечаний Ш. М. Левина относительно предложенных мною дат и сначала взвесим те позитивные доказательства, которыми критик поддерживает выдвигаемое им новое решение.

В пользу своей датировки рукописи «Идеалы» Ш. М. Левин приводит, собственно, единственное доказательство,— он опирается на слова Огарева: «Публичные лекции входят в моду, их можно распространить даже по селам». Само собою разумеется, что множественность доказательств не имеет решающего значения,— достаточно и одного веского доказательства для установления даты. В данном случае Ш. М. Левин считает таким доказательством известный факт, что публичные лекции стали «входить в моду» с 1859 г. и, особенно, с 1860 г., когда из Петербурга они довольно широко распространились на Москву и Казань, Одессу, Киев и другие города. Однако распространение лекций имело свою довольно сложную историю,— оно началось ранее 1859 г. и кончилось позже 1860 г. Если вдуматься в фактический материал этой истории, то приходишь к выводу, что общее впечатление — публичные лекции «входят в моду» — могло быть создано разнообразными событиями. Самая формулировка говорит о начальной стадии процесса распространения публичных лекций, но какие именно грани полагает Ш. М. Левин определяющими для этого начального этапа, мы не знаем. Эта сторона дела напрасно им оставлена без внимания. Тем более потому, что исследователь не считает предлагаемые им даты — 1859 и 1860 гг. — равноценными; он ценит выше вгору из них («едва ли не более вероятной датой является 1860 год»). Но почему? Начальнейший этап лекционного оживления скорее относится

к 1859 и даже к 1858, нежели к 1860 г. Более того, если публичные лекции стали более широко распространяться «в особенности» с 1860 г., то можно ли этот год отнести к начальному периоду распространения лекций? И на этот вопрос нет ответа. Мы так и не знаем, какой именно фактический материал о публичных лекциях имеет в виду исследователь. Имеет ли Огарев в виду лекции в Казани и Одессе, намекает ли на публичные лекции в зале Пассажа на Невском проспекте, говорит ли он о нашумевших лекциях П. Л. Лаврова о современном значении философии или же до него дошли слухи о публичных лекциях профессоров Петербургского университета в пользу недостаточных студентов, — во всех этих случаях мы можем получить несовпадающие даты. На лекции Лаврова, прочитанные в декабре 1860 г., Огарев, разумеется, мог откликнуться и в 1861 г. А почему вычеркивать более ранние годы? В истории распространения лекций немало подлежащих анализу предшествующих событий. Вот свидетельство одного из осведомленных современников: «Собрание в университете профессоров, которые будут читать публичные лекции. Председательствовал попечитель. Пенкопский отказался, потому что ему много труда от публичных чтений в Пассаже». Это записал в своем дневнике А. В. Никитенко в декабре 1858 г. («Дневник», т. II, М., 1956, стр. 51). Публичным лекциям посвящена и более ранняя запись в том же дневнике в октябре 1858 г. (там же, стр. 41). Нельзя, конечно, мобилизовать фактический материал за другого автора, но незавершенность аргументации ясна.

Зато свою критическую часть Ш. М. Левин сопроводил детальными соображениями и ссылками на первоисточники. Проанализируем их.

Я опираюсь при датировке документа на тезис Огарева, выделенный и обособленный им в рукописи через разделительные знаки: «Общеславянская конфедерация теперь немыслима; она может уясниться только настоящей войной» («Лит. наследство», т. 61, стр. 500).

«Настоящей войной», которая могла иметь решающее значение для создания общеславянской конфедерации, могла быть, на мой взгляд, только война 1859 г. Франции и Сардинии против Австрии. Этот вывод основывался на том, что сами Огарев и Герцен, не питая ни симпатий, ни доверия к Наполеону III, тем не менее, в тот момент высоко ценили военные потенции Франции, двинувшейся на лоскутную Австрийскую империю, тюрьму славянских народов. «...Разве есть люди, настолько нищие пониманием, что и взаправду думают, что Наполеон noch не спит, а все кручинится о том, что Италия не свободна?» — иронически спрашивал Герцен в статье «Война», специально посвященной событиям 1859 г. (X, 2). Но он все же полагал, что в этом столкновении «романский мир одолеет сводную разношерстную Австрию...» (X, 3). А стоит рухнуть Австрии, — возникают огромные возможности для славянской конфедерации: «Если же Австрия уничтожится как *сводное* государство, то тогда, какие бы судьбы романского мира ни были, мы всеми парусами входим в новую эпоху» (X, 4). Начинается — по Герцену — новая эра и для славянских народов: «Стоит взглянуть на карту, чтоб понять, что от Балкан до Адриатики готовы звенеть обширной конфедерации с славными берегами, с естественными границами и с плодотворнейшей почвой» (X, 8). Позже во второй статье о войне 1859 г. Герцен прямо писал: «Мы думали, что он <Наполеон III.— М. Н.> выгонит австрийцев из Италии и задавит ее потом своим деспотическим покровительством. Такой удар — чего нет другого — *оканчивал чуждую Австрийскую империю, призывал к жизни славян и мадьяр*» (X, 68—69. Курсив мой.— М. Н.). Следовательно, Герцен и вместе с ним Огарев в начале войны 1859 г. думали, что в результате побед Наполеона III может рухнуть Австрийская империя. После войны они стали думать несколько иначе. Если угодно, можно, конечно, критиковать эту точку зрения и приходиться к выводу, что Герцен и Огарев преувеличивали и делали ошибки в анализе международного положения. Но факт остается фактом, — *они так думали* и на этом строили свои проекты об общеславянской конфедерации, — в этом отношении текст «Идеалов» разительного сближается с цитированным текстом статьи Герцена «Война», относящейся к началу военных событий 1859 г. Ш. М. Левин напрасно обходит молчанием этот мой довод (я привожу его в своей работе «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации». — «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1947, № 2, стр. 111). Особенности войны 1859 г., специфич-

ческая трактовка ее возможного исхода Герценом и Огаревым и текстуальное сближение соответствующих утверждений в статье Герцена «Война» и в рукописи Огарева «Идеалы» и дали мне основание для датировки последней 1859 годом. Упоминание же о «моде» на публичные лекции не только не противоречит, а напротив, соответствует этой датировке, потому что 1859 год в истории распространения лекций как раз более подходит к н а ч а л ь н о м у характеру этого распространения, о котором говорит Огарев.

Но Ш. М. Левин выдвигает еще другой тезис: последующие события 1860 г. в борьбе за объединение Италии также могут быть названы просто «войной» и также подходят поэтому под понятие «настоящей войны», о которой говорит Огарев. Однако к этим событиям прежде всего явно не подходит безоговорочно взятое понятие «войны». Ведь основной характер событий иной: прежде всего — *революционное движение*, возглавленное Гарибальди, *революционная война* Италии за свое воссоединение. Тут на первый план выступает другой критерий, определяющий понятие, — критерий *революционности*, который всегда отличали от прочих признаков Герцен и Огарев. Они и не называли гарибальдийское движение просто «войной», находили для него иные определения. Главное же в том, что в центре событий борьбы итальянского народа стояло именно *воссоединение Италии*, а не сокрушение Австрийской империи как таковой — нигде ни у Огарева, ни у Герцена не встретили мы формулировок, похожих на приведенные выше, — о том, что в результате героической борьбы гарибальдийцев рухнет Австрия и создастся общеславянская конфедерация. *Характер борьбы и цели* борьбы в 1860 и 1861 гг. (последний год Ш. М. Левин опускает в предложенной им датировке — почему?) совершенно иные и не только объективно иные, но не совпадающие и в *субъективном* понимании Герцена и Огарева. Кстати, подходя к вопросу с другой стороны, Ш. М. Левин сам признает принципиальное различие военных событий 1859 и 1860 гг., противопоставляя «долголетнюю революционную войну более или менее партизанского типа — настоящей войне». Следовательно, согласно мнению самого критика, по *характеру* самих *военных действий* Огарев мог не считать «итальянскую войну» 1860—1861 гг. «настоящей» войной... Тут налицо несомненное противоречие в критической аргументации.

Но как можно «возбуждение», царившее «в славянском мире» во время войны за освобождение Италии, приравнять к возможностям создания *общеславянской конфедерации*? Где и когда высказывались об этом Герцен и Огарев? Да кстати и известный корреспондент «С.-Петербургских ведомостей», на которого ссылается Ш. М. Левин, говорит вовсе не об этих возможностях, — у него и намек нет на общеславянскую конфедерацию. Он говорит в контексте своих корреспонденций об элементах славянского возбуждения лишь как о моментах, *облегчающих* движение Гарибальди, революционную борьбу за воссоединение Италии — и только.

Что касается революционно-национальной борьбы 1860 г. в границах Турции, то ни Герцен, ни Огарев не приписывали этому движению решающего значения для возможностей создания общеславянской федерации. Вместе с тем они также никогда не применяли к этому движению безоговорочного термина «война», под которым они — как и в обычном словоупотреблении — разумели прежде всего вооруженное столкновение *самостоятельных государств*. Заметим, кроме того, что борьбу славянских народов в рамках Турецкого государства вообще трудно привлечь для датировки, — она начинается много ранее и длится много позже интересующих нас дат. Героическая же борьба маленькой самостоятельной Черногории никак не могла сама по себе создать обстановку возможности реализовать всеславянскую конфедерацию и поэтому не удовлетворяет главному признаку искомого события.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что упомянутую в тексте «Идеалов» войну правильнее всего считать войной 1859 г., а не революционной борьбой Италии за воссоединение в 1860—1861 гг. и не национально-революционной борьбой славянских народов на Балканах в 1860 г., потому что ни та ни другая борьба, во-первых, не удовлетворяют признаку возможности создания *общеславянской конфедерации*; во-вторых, и та и другая имеют существенно иной характер, по сравнению с войной 1859 г. (и объективно и субъективно, — в представлении Герцена и Огарева); в-третьих, эта национально-

революционная борьба никогда не именовалась Герценом и Огаревым безоговорочно «войной», а сопровождалась какими-то пояснениями и квалификациями, подчеркивавшими революционно-национальную сущность событий (в то время как война 1859 г. постоянно именовалась в их произведениях и переписке просто «войной») (X, 1, 30, 45, 50, 68 и др.); в-четвертых, войну 1859 г. приходится предпочесть и в силу прямого свидетельства Герцена, связавшего ее с возможностью общеславянской конфедерации (X, 8).

Но тут внезапно в ход наших рассуждений врывается совершенно новое обстоятельство. Оказывается, критик вообще не уверен, можно ли понимать войну, упомянутую Огаревым в «Идеалах», как какую-либо конкретную войну... Может быть, полагает Ш. М. Левин, выражение «настоящая война» просто выражает общее понятие «подлинной войны», противопоставленное войне, так сказать, не подлинной, не настоящей... «Мысль Огарева в таком случае можно было бы, например, понять и следующим образом, — пишет Ш. М. Левин: — только «настоящая» война, а не происходящая долготелая война более или менее партизанского типа позволила бы уяснить проблему общеславянской конфедерации». Правда, Ш. М. Левин не собирается настаивать на этом странном толковании, но считает подобную гипотезу не исключенной. Следовательно, критик колеблется между двумя взаимоисключающими друг друга толкованиями. Подобная позиция — неотъемлемое право исследователя. Можно сколько угодно колебаться между взаимоисключающими друг друга толкованиями. Но в таком случае исследователь лишается права настаивать на выводах, построенных на *одном* из этих взаимоисключающих толкований. Если он не уверен, в каком смысле — конкретном или абстрактном — употреблено слово «война», то лишены базы все его рассуждения о том, что «пока нет оснований» исключать «итальянскую войну» 1860 г. из предположений, о какой войне идет речь в «Идеалах» (см. выше стр. 868 в настоящем томе). Как же «нет оснований»? А если речь вообще идет не о конкретной войне, а о некоем абстрактном понятии, — тогда все конкретные предположения об итальянских событиях 1860 г. вообще рушатся.

На наш взгляд толкование «настоящей войны» в качестве абстрактного понятия в «Идеалах» на чисто исключено контекстом документа. Такое толкование требовало бы *противопоставления* одного типа войны другому (т. е. войны партизанского типа — «большой войне»). Но этого противопоставления в рукописи нет. Кстати, нет там и ни единого слова ни о предполагаемых Ш. М. Левиным действиях «партизанского типа» у Гарибальди или у кого-либо другого. Контекст документа не позволяет принять предложенного толкования.

Остается сказать два слова о Сольферино и Виллафранкском договоре. Я тщательно искала, где же это я употребила столь неудачные слова о том, что вопрос о судьбе славянских народов «мог быть снят» поражением австрийских войск при Сольферино, или же что Сольферино «могло бы сыграть в глазах Огарева роль такой грани, за которой интерес „уяснения“ проблемы для него исчез». Я так никогда не думала. Приведенные формулировки полностью принадлежат Ш. М. Левину, аналогичных им в моем тексте нет. Налицо явное недоразумение. Слова Огарева о войне не оставляют никаких сомнений, что война *еще не только длится*, не кончилась, *исход ее неясен*. Это и было основанием для более детальной датировки — и только. Я писала: «Так как в момент написания рукописи положение дел для Огарева еще не «уяснилось», можно с большой долей вероятности предположить, что рукопись писалась до поражения Австрии при Сольферино, когда уже никаких сомнений в самом исходе войны быть не могло» («Лит. наследство», т. 61, стр. 494). Где же здесь «потеря интереса», «снятие вопроса»? Здесь лишь констатация того, что слова о войне *написаны в тот момент, когда исход войны еще неясен*. А после Сольферино и Виллафранкского мира он был уже ясен, и Огарев дал бы тогда какую-то *другую* формулировку, сделал бы из событий какие-то выводы. Ни о какой «потере интереса» и речи нет. Что же касается дат, то разгром австрийской армии при Сольферино произошел 24 июня 1859 г., перемирие в Виллафранке — через две недели (8 июля), а через три дня — свидание Наполеона III и австрийского императора определило предварительные условия мирного договора. События,

следовательно, развивались и «уяснялись» *стремительно*, снимая колеблющуюся формулировку Огарева, понятную в условиях начала войны, когда исход ее еще не был ясен.

* * *

Перейдем теперь к документу «Цель русского движения». Сначала опять-таки отвлечемся на минуту от критических замечаний по адресу моей датировки и взвесим позитивные доводы критика в пользу другой даты — 1862 г.; это поможет уяснить вопрос по существу.

Основанием для новой датировки является прежде всего вопрос о Земском соборе. Агитационная кампания, в центре которой был поставлен лозунг всенародного Земского собора, действительно, весной и в середине 1862 г. велась уже широко. Поэтому, аргументирует свою мысль Ш. М. Левин, и рукопись «Цель русского движения» может скорее всего относиться к 1862 г.; вывод подкреплен цитатой из письма Огарева к Н. А. Серно-Соловьевичу, из которой видно, что Огарев считает обязательным делом агитировать за необходимость Земского собора.

Вывод этот вполне убедителен лишь при условии, что Огарев *примкнул* к агитации за Земский собор, кем-то ранее обдуманной и начатой, причем сделал это не сразу, а тогда, когда кампания уже широко развернулась. В этом случае и документ «Цель русского движения», где лозунг Земского собора как раз подробно обосновывается, должен быть прикреплен именно к этому моменту. Какие-то общественные группы задумали кампанию, начали ее, довели до широкого разворота — и тогда убедили Огарева в правильности лозунга. Только при этой предпосылке документ «Цель русского движения» может трактоваться как *начало* увлечения Огарева лозунгом Земского собора, а письмо к Серно-Соловьевичу — как действие, которое по времени совпадает с работой над рукописью «Цель русского движения», в которой автор уяснил себе значение агитации за Земский собор.

Но чем же доказана столь важная презумпция? Чем подкреплено, что кампания агитации за Земский собор была уже в разгаре, широко развернулась, когда Огарев отдал себе отчет в значении лозунга и решил его поддерживать? Как раз это — исходное — положение решительно ничем не доказано.

На мой взгляд Огарев как раз и принадлежит к составу *инициаторов* этой кампании. Он относится к числу лиц, ее задумавших. Поэтому широкий разворот агитационной кампании за Земский собор — отнюдь не довод для датировки рукописи. Силлогизм: 1) Огарев упоминает Земский собор, 2) кампания за Земский собор *широко развернулась* в 1862 г., 3) *следовательно*, рукопись Огарева относится к 1862 г. — не поддерживает критики.

Что такое Земский собор? Это — учредительное собрание. Оно должно состоять «из посланцев ото всех уездов, выбранных всем народом без различия сословий», и должно принять решение о том, каково будет «всеобщее новое устройство России». Лозунг учредительного собрания — старый лозунг русского революционного движения буржуазного периода, возникший еще на этапе дворянской революционности. Это требование выдвигалось декабристами, начиная с Союза Благоденствия, — каждая из декабристских организаций внесла свою долю в его разработку. Восстание 14 декабря прошло под этим лозунгом. Декабристы предпочитали называть учредительное собрание «Великим собором» (отметим даже совпадение имени существительного) или «Всеобщим собором» *, но даже в то время иногда встречается название «Зем-

* Ср. показание К. Ф. Рыльева о том, что было решено «созвать на Великий собор народных представителей из всех сословий народа, которые должны будут решить судьбу государства». Ср. «...с тем однако ж, чтобы и тот устав, который будет принят обоими обществами, был представлен великому народному собору как проект...». Ср. также «...представить на рассмотрение Великого собора как проект...». См. «Восстание декабристов», т. I, стр. 104, 154, 187, 192, 232, 459 и др. В конституции Никиты Муравьева употреблено то же наименование: Народный собор (§ 97, вариант конституции, хранившийся в бумагах И. И. Пущина). См. Приложения к книге Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев», 1933, стр. 334.

ский собор». Буржуазному революционному движению этот лозунг присущ органически (лишь Пестель и Южное общество спорили против него, отстаивая идею введения демократической конституции силою диктатуры Временного революционного правительства). Действительно, свержение абсолютизма требовало решения вопроса о форме правления и принципах конституции через собрание выборных от всего народа, от всей земли. Коль скоро Герцен и Огарев стояли за свержение *абсолютизма* и за «всеобщее новое устройство России» (республиканское или конституционно-монархическое — решит Собор), им нельзя было не думать об учредительном собрании, опыт созвания которого в революционные эпохи был многократно испробован в революционной борьбе Запада. Следовательно, в развитие революционного мировоззрения лозунг Земского собора не вносил ничего нового, — он был неизбежным логическим звеном борьбы с абсолютизмом и крепостничеством — лозунгами буржуазной революции. Новым было практическое внимание к нему, деловая разработка принципа, сосредоточенная агитация.

Прокламация петербургского революционного центра «Барским крестьянам», составленная Н. Г. Чернышевским, призывала к всеобщему организованному крестьянскому восстанию — объективно — во имя этого лозунга (крестьянское восстание для автора прокламации не было, разумеется, самоцелью). Прокламация допускала — правда, считая это худшим исходом — даже установление в России конституционной монархии, хотя предпочитала, конечно, республиканский строй. Датируется эта прокламация временем до реформы 1861 г., по-видимому *ближким* к реформе. «Великорусс», широко развернувший агитацию за учредительное собрание, был уже следующим этапом борьбы за свержение абсолютизма и созыв народных представителей, — его агитация также относится к 1861 г. Мне представляется, что документ «Цель русского движения» в общем совпадал по времени с прокламацией «Барским крестьянам» и входит в комплекс действий *инициаторов* борьбы за Земский собор, *начинающих* кампанию за этот лозунг в годы революционной ситуации. Самое содержание документа «Цель русского движения» носит характер доказательства необходимости созыва Земского собора. Нет оснований утверждать, что это вообще первый документ Огарева, где развиваются подобные мысли, но это один из первых, так как он не говорит о Земском соборе как о чем-то само собой разумеющемся (подобно упоминанию в цитированном письме к Н. А. Серно-Соловьевичу), а поясняет в первых же строках не только самое понятие Земского собора, но и аргументирует его неизбежность и необходимость.

Перечислив по пунктам *шесть* основных программных требований, Огарев делает заключение, что «всего этого без общего Земского собора учредить и постановить нельзя», т. е. мотивирует необходимость Земского собора. Он даже питает какую-то слабую надежду на согласие царя на Земский собор, хотя более реальным считает отрицательную позицию самодержавия в этом вопросе («Если (или так как) государь не хочет созвать Земского собора...»). Эта позиция в точности соответствует его колеблющемуся, но все же преимущественно отрицательному отношению к царю в «Письмах к соотечественнику» (1860) и в статье «На новый год» («Правительство будет не совершать преобразования, а мешать им. Поневоле и со скорбью общество придет к заключению: „От правительства ждать нечего, станемте на свои ноги“»). И «Цель русского движения» и указанные статьи в «Колоколе» проповедают отдачу земли общинам и общинное владение, передачу крестьянам той земли, «которую теперь [крестьяне] владеют» (ср. «Лишь бы народу осталась вся земля, которую он теперь на себе пашет...»), настаивают на уничтожении сословий и равноправии граждан, на уничтожении казенного чиновничества и замене его выборными людьми (ср. «Упразднение казенного чиновничества» в статье «На новый год»), декларируют областные самоуправления и соединение областей в один общий Союз (федерацию) (ср. «устроив областные самоуправления, все увидят необходимость подать друг другу руку на общие интересы и соединиться в федерацию, в общий Союз славяно-русских областей») («Письма к соотечественнику», «На новый год», «Что нужно народу» и др. См. Н. П. О г а р е в. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I. М., 1952, стр. 387, 530, 531, 390, 385, 389, 384).

Но «Цель русского движения», несмотря на многочисленные совпадения и сближения требований с программными заявлениями в статьях «Колокола», дает и нечто *большее*, нежели эти статьи, многое *договаривает*, ставит точки над *i*, трактует конспиративные вопросы, о которых нельзя было открыто говорить в «Колоколе». Удивляться этому нельзя, — конспиративные решения не всегда и не полностью отражались в «Колоколе», — такова была *тактика* Лондонского центра в лице Огарева и Герцена, и ее нетрудно понять: политическая деятельность во многих отношениях требовала конспирации, и публиковать конспиративные решения надо было в нужное время. Самый же факт *неполного* совпадения конспиративных документов и статей в «Колоколе» разительно ясен, и просто удивительно, что требуется его доказывать. В 1857 г. возникла «Записка о тайном обществе» Огарева, где доказывалось, что тайное общество полезно, возможно и необходимо. Разве эта записка была тогда же опубликована в «Колоколе»? Разве рукопись «Идеалы» появилась на его страницах накануне реформы? Нет, подобные документы в целом не публиковались — и если открытый лозунг созыва учредительного собрания — Земского собора — не попал тогда же на страницы «Колокола», то в этом нет ничего удивительного: он тогда был конспиративным и находился в состоянии разработки; когда пришло время, лозунг этот нашел отражение на страницах «Колокола». Следовательно, в условиях, когда *конспиративный* документ сопоставляется с публикациями в открытой вольной печати, никак нельзя аргументировать от того обстоятельства, что конспиративный документ *дает больше*, чем-то отличается от опубликованного в вольной печати, — и делать это доказательством более поздней датировки конспиративного текста. Как раз наоборот: многие открытые революционные лозунги неизбежно должны были сначала проходить стадию конспиративной разработки и обсуждения, а уже *потом*, позже, выходить на страницы открытой вольной печати, — обратный порядок и немислим. При аргументации датировок это необходимо принимать во внимание.

Теперь перейдем к первому программному требованию документа — уничтожению крепостного права, которое послужило мне основанием для датировки документа 1860 годом и вызвало возражения Ш. М. Левина. Согласно Огареву, «всеобщее новое устройство России» состоит прежде всего «в немедленном уничтожении всякого крепостного права, помещичьего и казенного, на людей и землю».

Слово «всякого» явно относится к двум основным формам крепостного права — «помещичьего и казенного». Ш. М. Левин напрасно потратил труд на детальное доказательство того, что Огарев и Герцен полагали, что после реформы 1861 г. народ подпал под новое крепостное право и был царем обманут. Это общеизвестно. Только дело в том, что Герцен и Огарев, чтобы подчеркнуть, что они имеют в виду время *после* 19 февраля, говорили о *новом* крепостном праве, а не просто о крепостном праве. Огарев даже так и озаглавил свою статью — «Разбор *нового* крепостного права». Удивительным образом критик не замечает, что в его же материале наличествуют разнообразные определительные слова, поясняющие, что после 19 февраля 1861 г. речь идет о *новом* крепостном праве. «Ответ Великооруссу» требует «*полного* освобождения крестьян», поскольку подразумевается, что освобождение 19 февраля не было *полным*, М. Налбандян требует объявить крепостного «совершенно свободным», поскольку «свобода» 1861 года никак не могла назваться «совершенной». Да примеры из текстов других авторов даже излишни, поскольку налицо выражение самого Огарева — «*новое* крепостное право».

Составляя свой программный документ *после* 1861 г., Огарев не преминул бы вставить это или какое-либо аналогичное определительное слово просто, чтобы быть понятым. Он писал бы в этом случае о немедленном уничтожении *нового* крепостного права, как о первом элементе «всеобщего нового устройства России». Но он так не написал, — очевидно, потому, что не ощутил в этом необходимости, в то время как ощутил же он ее, так сказать, на следующий день после освобождения, работая над статьей «Разбор нового крепостного права».

Это и заставляет меня предпочесть гипотезу, что он писал тогда, когда еще не было нужды в подобном определении, т. е. при старом крепостном праве, до реформы 1861 г.

Сопоставим тексты, на которые ссылается Ш. М. Левин:

Документ «Цель русского движения»
(1860)

«Цель русского движения: созвать Земский собор из посланцев от всех уездов, выбранных всем народом, без различия сословий, для всеобщего нового устройства России, которое состоит:

[Далее следуют шесть программных пунктов].

Образовавшись, общества должны принять начальство над войсками и вести их таким образом со всех концов на Москву и Петербург, всюду подымая народ на содействие и умножаясь прибылыми охотниками-ратниками, оставляя по дороге селы и города учреждать сам свой внутренний порядок, с упразднением казенного чиновничества и клича клич на общий Земский собор, который, если б император не захотел его, собрался бы помимо его воли и выбрал бы цари нового — если нужно — или составил бы при себе правительственный совет из людей, перед Земским собором ответственных».

Документ «Заграничные общества» (1862)

«Теперь цель: цель — привести правительство к созванию Земского собора, на основаниях трех адресов (общего — формального, адреса от меньшинства и адресов от народа), то есть на основаниях, что земли — земское достояние, что управление выборное и что области распределятся по собственному желанию на самостоятельные отделы Федерации. Далее цель — если правительство в Земском соборе откажет, то на тех же основаниях произвести восстание со всех периферий разом».

Это сопоставление доказывает, что в то время, когда писались оба документа, лозунг о созвании Земского собора *не был снят* (а часто ли он снимался в русском революционном движении?), разрабатывался далее (второй текст более разработан и детализирован — в нем речь идет о трех определенных адресах, о которых речи не было в первом документе; тактическая особенность организации восстания — «со всех периферий разом» — также интересная практическая деталь, отсутствовавшая в первом документе). Никаких доказательств полной *одновременности* возникновения сопоставление текстов, указанных Ш. М. Левиным, на мой взгляд не содержит.

Что же касается выражения «как есть межа», то тут Ш. М. Левин прав, — Огарев употреблял настоящее время в *аналогичных* случаях и *после* реформы, — но для меня это изображение играло лишь дополнительную роль, воспринималось как деталь. Датировка документа «Цель русского движения» 1860 годом продолжает представляться мне на основе изложенных соображений самой правдоподобной.

Хотелось бы подчеркнуть большую ценность соображений Ш. М. Левина о видоизменении лозунга о земле в статье Огарева «Куда и откуда» (май 1862 г.), где впервые формулируется положение «Земля чтоб вся осталась за миром и помещик — таким же мирским пайщиком как и другие». Но в соответствии с изложенным выше этот тезис, на мой взгляд, хронологически выходит за рамки обсуждаемого периода.

Хотелось бы, кончая ответ, еще раз выразить удовлетворение, что началось научное обсуждение датировки «пражских» документов, — правда, почти через десять лет после первой их публикации, — но все же началось. Будем надеяться, что оно продолжится, самое главное — почин.

М. Нечкина